

Диана Фурсова

ЖЕНУЖНАЯ
ЖЕНА
ледяного дракона

Хозяйка проклятой лечебницы

Диана Фурсова

**Ненужная жена ледяного дракона.
Хозяйка проклятой лечебницы**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Ненужная жена ледяного дракона. Хозяйка проклятой лечебницы /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Меня отправили на Север как ненужную жену. Без права голоса. Без защиты. Без надежды вернуться. Мой муж, ледяной дракон Каэль Рейнар, подписал приказ и решил, что в старом проклятом поместье я тихо исчезну из его жизни. Только он ошибся. Дом, который все называли проклятым, открыл мне ворота. В его холодных залах я нашла не только пыль, запертые комнаты и чужие тайны, но и людей, которых давно вычеркнули из судьбы: сирот, вдов, изгнанных слуг, детей с ледяными метками и тех, кому больше некуда идти. Теперь я не собираюсь сбегать. Я разожгу очаг. Открою двери. Верну дому настоящее имя. И узнаю, почему род ледяных драконов так боится женщины, которую сам же считал слабой. А когда мой муж вернётся за мной, он увидит не покорную изгнанницу. Он увидит хозяйку Севера.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ссылка для ненужной жены	5
Глава 2. Дом, который не хотел хозяйку	15
Глава 3. Первый тёплый ужин на проклятом Севере	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1. Ссылка для ненужной жены

Муж отправил её умирать в снегах с таким безупречным почерком, будто подписывал приглашение на бал.

Эта мысль пришла раньше боли, раньше страха и даже раньше имени.

Вера очнулась от резкого толчка. Её бросило плечом в стенку кареты, зубы клацнули, и на миг перед глазами вспыхнула белая пустота. Потом мир собрался из обрывков: скрип колёс, вой ветра, запах промёрзлой кожи, тяжёлый плед на коленях, чужие тонкие пальцы в перчатках и кольцо на безымянном — серебряное, с синим камнем, похожим на кусочек замёрзшего неба.

Она попыталась вдохнуть глубже и тут же закашлялась от холода. Воздух внутри кареты был почти таким же ледяным, как снаружи, только без снежной пыли. В щель между шторами врывалось белое марево. Где-то впереди ругался кучер, надрывались лошади, а карету мотало так, будто дорога решила стряхнуть с себя всех живых.

Вера зажмурилась.

Она помнила вечер. Лифт, ключи в кармане, мокрый снег на рукаве пальто, усталость после длинного дня и мысль: только бы добраться домой, включить чайник и никого не слышать хотя бы час. Потом — ступенька у подъезда, скользкий лёд, вспышка боли в затылке.

А теперь — карета.

Не такси. Не скорая. Не больничная палата.

Карета.

Вера медленно подняла руки к лицу.

Кожа была слишком белой. Пальцы длиннее, ногти ухоженные, запястья тонкие, будто их можно было сломать одним небрежным движением. На манжетах дорожного платья темнела дорогая вышивка, но само платье было не парадным — старым, тяжёлым, неудобным. Как вещь, которую бросили в сундук после траура, а потом достали не ради красоты, а потому что не жалко.

— Проснулась всё-таки, — сказал кто-то напротив.

Вера резко открыла глаза.

На другом сиденье сидела женщина лет пятидесяти с сухим лицом, прямой спиной и взглядом человека, который давно разучился сочувствовать по приказу. На ней было тёмное дорожное платье, меховая накидка и брошь в форме драконьей головы. Женщина смотрела на Веру не как на госпожу, а как на груз, который положено доставить в срок.

— Где я? — спросила Вера.

Голос прозвучал мягче, чем она ожидала. Не её голос. Ни тембра, ни привычной хрипотцы от недосыпа. Чужой, низкий, красивый, но надломленный.

Женщина напротив тонко поджала губы.

— В карете, леди Элиана. Надеюсь, это вы ещё способны понять.

Леди Элиана.

Имя ударило в висок. Вера невольно схватилась за край сиденья, потому что вместе с именем в голове словно открылась невидимая дверь. За ней хлынули не воспоминания даже, а холодные осколки чужой жизни.

Зал под ледяными сводами. Мужчина с серебристыми волосами и глазами цвета зимней стали. Чёрное брачное кольцо в его ладони. Толпа придворных. Шёпот: «Наконец-то герцог выбрал жену». Потом другой зал — меньше, темнее. Женские смешки. Раздавленное письмо. Чужая рука на запястье. Голос всё того же мужчины, ровный и страшный:

«Вы забыли, миледи, что честь рода Рейнаров не игрушка».

Вера дёрнулась, будто её окатили ледяной водой.

— Меня зовут... — начала она и осеклась.

Сказать «Вера»?

Женщина напротив усмехнулась краешком губ.

— Неужели снова решили сыграть в потерю памяти? В столице это уже никого не тронуло.

Карету снова швырнуло. Где-то под колёсами хрустнул лёд, лошади испуганно заржали. Женщина раздражённо постучала по крыше рукояткой зонта.

— Осторожнее, Глен! Уронишь её в овраг — герцог ещё сочтёт это нарушением распоряжения.

— С такими дорогами распоряжение может само в овраг отправиться! — донёсся глухой голос кучера. — Я говорил, госпожа Варна, после Чёрного перевала не ездят в такую погоду.

— Ты получаешь серебро не за советы.

Женщина снова посмотрела на Веру.

Госпожа Варна. Имя всплыло само: старшая управительница городского дома Рейнаров. Верная не герцогине, а герцогу. Та, кто следила, чтобы Элиана не сказала лишнего, не написала не тому человеку, не заплакала слишком громко.

Вера провела ладонью по лицу. На пальцах не осталось ни крови, ни грязи, но тело отзывалось слабостью. Не болезнью — истощением. Как будто прежняя хозяйка этого тела долго жила на страхе, стыде и бесконечном ожидании приговора.

— Куда мы едем? — спросила Вера уже осторожнее.

Варна приподняла бровь.

— Ваша милость действительно намерена продолжать это представление?

— Я задала вопрос.

Вера сама удивилась, как спокойно это прозвучало. Внутри всё дрожало. Ей хотелось сорвать занавеску, увидеть нормальную улицу, фонари, машины, людей в пуховиках, хоть что-то из привычного мира. Но за окном была буря, карета, лошади и женщина, которая называла её чужим именем.

Паника подступала к горлу. Вера удержала её только усилием злости.

Если это сон — нужно проснуться. Если не сон — нужно выжить.

Варна достала из кожаной папки сложенный лист. Бумага была плотной, с синеватым отливом, на стиге блестела печать в виде дракона, сомкнувшего крылья вокруг башни.

— По распоряжению Его Светлости герцога Каэля Рейнара, хранителя Северных рубежей, владыки Ледяного предела и главы рода Рейнаров, вы сопровождаетесь в родовое поместье Морвейн-Хольд, — сухо прочитала она. — До особого решения герцога вам запрещено возвращаться в столицу, вести переписку от имени рода, принимать гостей без одобрения управляющего и распоряжаться средствами дома Рейнаров.

Каждое слово падало как камень.

— Морвейн-Хольд? — повторила Вера.

Внутри чужой памяти что-то отозвалось: чёрные стены на скале, северный лес, замёрзший источник, старое крыло с заколоченными окнами. И ещё одно название, шепотом, с северным страхом.

Проклятая лечебница.

Вера почувствовала, как по спине пополз холод, совсем не от бури.

— Это не поместье, — сказала она. — Это заброшенный дом.

Варна аккуратно сложила лист.

— Дом, соответствующий вашему нынешнему положению.

— Моему положению?

— Изгнанной супруги.

Вера смотрела на неё несколько секунд.

Слово оказалось неприятно точным. Не бывшей. Не вдовы. Не гостыи. Не хозяйки. Изгнанной.

Где-то в глубине вспыхнула чужая боль — такая острая, что Вера на миг перестала понимать, где она сама, а где Элиана. Юная женщина в белом платье ждёт мужа у двери кабинета. Муж проходит мимо, даже не замедлив шага. Юная женщина пишет письмо и рвёт его, потому что некому отправить. Юная женщина слышит за спиной: «Она не удержала дракона. Значит, в ней и правда нет огня».

— За что? — спросила Вера.

Варна смотрела долго. В её глазах не было ни жалости, ни удивления. Только холодная усталость человека, который считает чужое падение заслуженным, потому что так проще служить сильным.

— За предательство доверия Его Светлости. За ложь. За попытку подорвать брачную клятву. За недостойное поведение при дворе. Этого достаточно?

Вера почти рассмеялась.

Почти.

Слова были громкими, красивыми, пустыми. Так обвиняют, когда не хотят называть настоящий повод. Так пишут в приказах, когда виновность уже назначена, а доказательства подгонят позже.

— Что именно я сделала? — спросила она.

— Вы лучше меня знаете.

— Нет, — сказала Вера. — Не знаю.

Варна нахмурилась. Видимо, тон ей не понравился.

— Ваша милость, я не советую начинать новую жизнь с очередной лжи. На Севере меньше поклонников, чем в столице. Там некому будет восхищаться вашими обмороками.

Вера сжала пальцы на плече. Хотелось ответить резко, но она заставила себя молчать.

Обмороки. Значит, Элиана часто падала в обморок. Или её в этом обвиняли. Поклонники. Значит, был мужчина, которому приписали связь с ней. Предательство брачной клятвы. Значит, удобный скандал. Удобный настолько, что муж отправил её не в отдельный дом на юге, не к родственникам, а на край света.

В снег.

В место, которого боялись даже слуги.

— Где мои вещи? — спросила Вера.

— В багажном отсеке.

— Мои письма?

— Конфискованы.

— Деньги?

— Вам оставили сумму на первое время. Скромную, но достаточную, если не предаваться прежним привычкам.

— Слуги?

— В Морвейн-Хольде есть управляющий и необходимый минимум прислуги.

Вера уловила паузу перед словом «необходимый».

— Сколько человек?

Варна отвернулась к окну.

— Достаточно.

— Сколько?

— Полагаю, узнаете на месте.

Значит, почти никого.

Карета снова накренилась. Вера упёрлась ладонью в стенку и только теперь заметила, что на внутренней стороне запястья, под кружевом рукава, проступает тонкий серебристый след. Не шрам, не украшение. Знак, похожий на маленькую льдинку с тремя лучами.

Она коснулась его, и в голове вспыхнула ещё одна картина.

Каэль Рейнар стоит напротив неё у камина. Высокий, слишком спокойный, безупречно одетый. Его волосы, белые как первый снег, убраны лентой. На пальцах — перстень главы рода. За окном гремит музыка бала, но в кабинете тихо.

— Вы опозорили моё имя, леди Элиана.

— Я ничего не делала.

— Мне надоели ваши слёзы.

— Тогда посмотрите не на слёзы, а на тех, кто вам их принёс.

Он даже не моргнул.

— Завтра утром вы покинете столицу.

— Куда?

— Туда, где ваш голос больше не навредит моему дому.

И подпись.

Каэль Рейнар.

Не дрогнувшая рука. Чистая строка. Гербовая печать.

Вера вынырнула из воспоминания с таким ощущением, будто её ударили.

Она не любила этого мужчину. Не могла любить: она знала его меньше часа, и то чужими обрывками. Но тело Элианы помнило. Тело отозвалось стыдом, тоской и такой покорной, выученной болью, что Вере стало почти страшно.

Нет, сказала она себе.

Не моя боль.

Но если она теперь в этом теле, ей придётся разбираться и с этой болью тоже.

— Приказ подписан сегодня? — спросила Вера.

Варна холодно улыбнулась.

— Утром.

— После суда?

— Не было никакого суда.

Вера медленно подняла на неё глаза.

— То есть меня осудили без суда.

— Вы жена герцога, не преступница на площади.

— Разница есть?

Варна впервые посмотрела на неё по-настоящему внимательно. Как будто в голосе изгнанной жены прозвучало что-то знакомое.

— Осторожнее, леди Элиана. Север не любит гордых женщин.

— Зато гордые женщины, кажется, часто туда попадают.

Варна поджала губы.

Снаружи ветер взывал так, будто карету окружила стая невидимых зверей. Колёса забуксовали. Лошади зафыркали, послышался хлопок кнута, ругань кучера, потом карета рывком выбралась из снежной колеи.

Вера отдёрнула занавеску.

За стеклом не было ничего, кроме белой круговерти. Иногда из неё выступали чёрные силуэты деревьев — кривые, низкие, покрытые инеем. Они мелькали и исчезали, как пальцы, тянущиеся к дороге. Небо сливалось с землёй, и только редкие каменные столбы вдоль тракта доказывали, что они всё ещё едут не по пустоте.

На одном из столбов Вера успела заметить знак: драконья лапа, перечёркнутая косой чертой.

Память Элианы услужливо подсказала: граница старых земель Морвейнов.
Её земель.

Или тюрьмы.

— Почему Морвейн-Хольд называют Проклятой лечебницей? — спросила Вера.

Варна резко повернулась.

— Кто вам сказал?

— Значит, называют.

— Деревенские болтают много лишнего.

— А придворные?

— Придворные достаточно воспитаны, чтобы не повторять суеверия при герцогине.

— Но не достаточно воспитаны, чтобы не отправлять герцогиню в место, которого боятся деревенские.

Варна сжала папку так, что кожа скрипнула.

— Вы забываетесь.

Вера хотела ответить, но карета внезапно остановилась.

Не замедлилась — остановилась так резко, что Варна едва не ударилась о сиденье напротив. Снаружи раздался испуганный крик кучера, лошади рванули, сбруя зазвенела.

— Глен! — Варна ударила ладонью в стенку. — Что случилось?

Вместо ответа послышался мужской голос, сорванный ветром:

— На дороге кто-то есть!

Вера уже потянулась к дверце, но Варна схватила её за рукав.

— Сидите.

— Там человек.

— Там Север.

— И что?

— Здесь не выходят из кареты на каждый шорох.

Вера посмотрела на её руку на своём рукаве.

— Отпустите.

Варна не отпустила.

Тогда Вера медленно, очень спокойно накрыла её пальцы своей ладонью и отодвинула. Сил у этого тела было мало, но в жесте оказалось достаточно намерения, чтобы Варна опешила.

Вера распахнула дверцу.

Холод ударил в лицо так, что дыхание оборвалось. Снег мгновенно облепил ресницы, забрался под капюшон, впился в кожу мелкими иглами. Вера едва удержалась на ступеньке. Мир снаружи ревел, кружился, скрежетал ветками.

— Назад, миледи! — крикнул кучер с козел. — Вы с ума сошли?

— Кто на дороге?

Он ткнул кнутовищем вперёд.

В нескольких шагах от лошадей, почти сливаясь со снегом, стояла фигура. Низкая, сгорбленная. Сначала Вере показалось, что это ребёнок, но потом фигура подняла голову, и она увидела старуху в сером платке. Та стояла посреди тракта босыми ногами в снегу и держала в руках деревянную дощечку.

Вера спрыгнула на дорогу. Снег провалился почти до колена.

— Миледи! — в голосе Варны теперь был не приказ, а настоящий испуг. — Немедленно вернитесь!

Старуха не двигалась.

Вера сделала шаг, другой. Юбки путались, ветер толкал в грудь, но она упрямо шла вперёд.

— Вы замёрзнете! — крикнула она, сама понимая нелепость этих слов.

Старуха улыбнулась.

У неё были светлые глаза — слишком светлые, почти прозрачные.

— Замерзают те, у кого нет дома, госпожа.

Вера остановилась.

— Вам помочь?

— Себе помогите.

Старуха протянула дощечку. Вера взяла её онемевшими пальцами. Это был не указатель, а кусок старой резной панели. На дереве темнели три слова, выжженные неровными буквами: *НЕ ВЕРЬ КЛЮЧНИКУ.*

Вера подняла взгляд.

— Какому ключнику?

Старуха уже отступала в метель.

— Дом помнит хозяйку, — сказала она. — Но дом не любит слабых.

— Подождите!

Вера шагнула за ней, но сильный порыв ветра ударил сбоку, и она вынуждена была закрыть лицо рукавом. Когда снеговая пелена немного рассеялась, старухи уже не было. На дороге не осталось ни следов, ни вмятин от босых ног.

Только Вера стояла посреди тракта с деревянной дощечкой в руках.

Кучер перекрестился по-своему — двумя пальцами по лбу и груди.

— Северная мать миловала... — пробормотал он. — Это знак. Я дальше не поеду.

— Поедешь, — отрезала Варна, выбираясь из кареты. — Иначе герцог узнает, что ты бросил его жену посреди бури.

— Да пусть сам её везёт! — Кучер побледнел так, что даже красный нос стал белёсым. — Я до Морвейнских ворот не сунусь. Старуха на дороге — к беде. А если она дала слово дому, то всё, назад дороги нет.

Вера прижала дощечку к груди.

— Кто она?

Глен посмотрел на неё так, будто она спросила, почему вода мокрая.

— Да никто. Или все сразу. На этих землях лучше не спрашивать.

Варна вырвала дощечку у Веры из рук.

— Деревенские страшилки.

Она хотела бросить деревяшку в снег, но Вера перехватила её запястье.

— Оставьте.

— Это мусор.

— Это моё.

Несколько секунд они стояли друг против друга. Снег летел между ними, как белая стена. Варна была старше, опытнее, уверена в своём праве командовать. Но Вера вдруг поняла простую вещь: всё, чего она боялась, уже случилось. Её вырвали из жизни, бросили в чужое тело, объявили виновной, сослали в проклятый дом и везли в метель по приказу мужчины, который даже не дал ей возможности защититься.

Терять лицо перед управительницей было поздно.

Варна отпустила дощечку первой.

— Вы пожалеете, если начнёте слушать Север.

— Возможно, — сказала Вера. — Но пока Север говорит со мной честнее, чем люди моего мужа.

Слово «моего» неприятно царапнуло. Она не хотела считать Каэля Рейнара своим. Но мир уже считал. Печать на бумаге, кольцо на пальце, знак на запястье — всё кричало о принадлежности.

Вера вернулась в карету сама, без помощи. Подол промок, пальцы не слушались, щёки горели от ветра. Варна села напротив молча. Кучер долго спорил сам с собой, лошадьми и небом, но наконец щёлкнул вожжами.

Карета снова двинулась.

Деревянную дощечку Вера положила себе на колени. Слова на ней темнели, будто только что выжженные.

Не верь ключнику.

Значит, в Морвейн-Хольде её ждёт ключник. Или тот, кто хранит ключи. Управляющий? Слуга? Человек герцога? В старых домах ключи всегда значили больше, чем двери. Ключи — это кладовые, комнаты, счета, тайники, власть.

Вера усмехнулась про себя.

Хорошо. Значит, первое правило новой жизни: не доверять тому, кто встретит её с ключами.

Второе: не показывать, что она ничего не знает.

Третье: выжить до утра.

— Вы изменились, — неожиданно сказала Варна.

Вера подняла глаза.

— В дороге люди часто меняются.

— За один обморок?

— За один подписанный приказ.

Варна нахмурилась, но промолчала.

Ехали долго. Время расползлось, потеряло форму. Вера то проваливалась в тяжёлую полудрёму, то просыпалась от очередного толчка. Иногда её накрывали обрывки памяти Элианы: запах воска в брачной часовне, холодные пальцы Каэля, когда он надевал ей кольцо; смех фрейлин; записка без подписи; испуганное лицо молодой служанки; лестница; разбитая чашка; мужской голос за дверью: «Если герцог узнает правду, она не проживёт и недели».

Правду о чём?

Вера пыталась ухватить воспоминание, но оно распадалось. Словно прежняя Элиана сама прятала от себя самые важные куски.

От этого было хуже.

Она не просто оказалась в чужом мире. Она оказалась внутри чужого поражения, не зная, кто ударил первым и сколько ударов ещё впереди.

— Каэль... — имя далось с трудом. — Герцог Рейнар. Он сам приказал ехать сегодня? В бую?

Варна ответила не сразу.

— Приказ был доставить вас до наступления ночи.

— Он знал о погоде?

— Его Светлость не обязан сверяться с небом.

— А с совестью?

Варна резко вскинула взгляд.

— Леди Элиана.

— Что?

— Не произносите подобных слов там, где вас могут услышать.

— Почему? У драконов хрупкая совесть?

— У драконов долгая память.

Вера посмотрела в окно. За стеклом тьма стала гуще. Снег уже не казался белым — он был серым, почти синим. Где-то далеко между деревьями мелькали огни, но карета не сворачивала к ним. Значит, деревня. Живые люди. Тепло. Голоса.

И они проезжали мимо.

— Почему мы не остановимся там? — спросила Вера.

— Ночёвка не предусмотрена.

— Лошади устали.

— Осталось недалеко.

— Слуги тоже люди.

— Вы вспомнили об этом только сейчас?

Вера резко повернулась.

Слова попали в старую рану Элианы. Видимо, прежняя хозяйка этого тела не была доброй святой. Скорее избалованной, испуганной, плохо приспособленной к жизни молодой женщиной, которую учили быть красивой, удобной и зависимой. А потом осудили за то, что она не стала сильной сама собой.

Вера медленно выдохнула.

— Возможно, — сказала она. — Но если вспомнила, значит, поздно не стало.

Варна ничего не ответила.

Через какое-то время карета начала подниматься. Дорога стала хуже: колёса то проваливались, то скользили по насту, лошади шли тяжело, кучер почти не ругался — только хрипло понукал их, будто экономил дыхание. Вера снова отодвинула шторм.

Теперь лес расступился. Слева темнел обрыв, справа поднимались скалы. Между ними петляла узкая дорога, занесённая снегом. На камнях по обе стороны виднелись старые знаки — не дорожные, а магические. Резные линии, круги, крылья, глаза. Некоторые светились слабым голубым светом, другие были мёртвы.

Запястье Веры вдруг потеплело.

Она посмотрела на серебристый знак. Три луча льдинки стали ярче.

— Что это? — спросила она, показывая Варне.

Управительница побледнела.

Совсем чуть-чуть, но Вера заметила.

— Брачная метка.

— Она должна светиться?

— Иногда.

— Когда?

— Когда дом чувствует кровь.

— Мою?

— Морвейнов.

Вера перевела взгляд на окно. Значит, они близко.

Чужая память шевельнулась неохотно. Род Морвейнов. Мать Элианы. Обедневшая ветвь старой северной знати. Брак с Каэлем должен был вернуть Элиане положение, а Рейнарам — права на старый дом. Вот только дом не принял Каэля. Или принял не полностью.

Поэтому ему была нужна жена из Морвейнов.

Не любимая. Не равная. Ключ.

Вера медленно сжала пальцы.

— Он женился на мне из-за дома, — сказала она.

Варна опустила глаза к папке.

— Браки знати редко заключают ради песен под луной.

— А сослали меня сюда, потому что дом нужен ему, но я — нет.

Варна молчала.

Молчание было лучше признания.

В груди Веры поднялось что-то горячее. Не магия. Не чужая память. Её собственная злость. Чистая, ясная, почти спасительная.

Она не знала этого мира, не знала правил, не знала, как работает родовая сила, кто враг, кто союзник и почему вместо смерти получила чужую судьбу. Но одно она поняла точно: Каэль Рейнар не просто избавился от жены. Он отправил в Морвейн-Хольд ключ, рассчитывая, что ключ сам откроет нужные двери, а потом тихо заржавеет в снегу.

Что ж.

Ключи иногда открывают не те замки, которые от них ждут.

Внезапно лошади встали.

На этот раз не рывком. Они просто остановились и отказались идти дальше.

Кучер спрыгнул на дорогу. Его шаги хрустнули по насту. Потом он произнёс короткое, злое слово, которое буря почти унесла, но смысл был понятен без перевода.

Варна распахнула дверцу прежде, чем Вера успела спросить.

— Почему стоим?

Глен стоял впереди, держа фонарь. Свет плясал в его руке, выхватывая из метели каменную стену. Вернее, не стену — ворота.

Они поднимались из снега огромными чёрными створками, такими высокими, что верх терялся в темноте. По металлу вились ледяные руны. Они не были нарисованы или выбиты — казалось, сам мороз пророс сквозь железо живыми узорами. У основания ворот стояли две статуи драконов с раскрытыми пастьями. Снег забился им в крылья, но глаза статуй светились тускло-синим.

За воротами виднелась дорога к дому.

И сам дом.

Морвейн-Хольд стоял на склоне, вцепившись башнями в скалу. Огромный, тёмный, с провалами окон, он не выглядел заброшенным. Заброшенные дома молчат. Этот — ждал.

Даже издали Вера чувствовала это ожидание кожей.

Глен пятился от ворот.

— Нет, — сказал он. — Нет. Я довёз до места. Дальше не поеду.

— Ты обязан завезти нас во двор, — процедила Варна.

— Я обязан довезти до Морвейн-Хольда. Вот он. Ворота. Всё.

— Ты боишься железа?

— Я боюсь того, что за ним.

Вера вышла из кареты. Ноги дрожали от холода и усталости, но она удержалась. Снег здесь был тише. Буря будто обходила ворота стороной, и от этого становилось ещё страшнее. Ветер выл в лесу, на дороге, над скалами, но у чёрных створок стояла почти полная тишина.

— Почему они закрыты? — спросила Вера.

— Потому что дом не ждёт гостей, — пробормотал кучер. — И не любит тех, кого привозят силой.

Варна подошла к воротам и достала связку ключей. На ней висело не меньше десятка тяжёлых железных колец. Она выбрала самый большой ключ, вставила в замочную скважину и повернула.

Ничего не произошло.

Она попробовала ещё раз.

Замок не поддался.

Вера смотрела на ключи.

Не верь ключнику.

— Откуда у вас ключи? — спросила она.

Варна замерла.

— Из городского архива дома Рейнаров.

— А кто передал их вам?

— Управляющий Морвейн-Хольда отправил комплект в столицу много лет назад.

— Как его зовут?

Варна резко обернулась.

— Это неважно.

— Мне важно.

— Балдор Крейн. Довольны?

Имя скользнуло по памяти Элианы пусто. Значит, она его не знала. Или не помнила.

Вера подошла ближе к воротам. Руны на металле вспыхнули ярче. Запястье под рукавом стало тёплым, почти горячим. Варна отступила на шаг, будто боялась, что свечение перекинется на неё.

— Миледи, не трогайте.

Вера протянула руку.

Кольцо на её пальце вдруг потемнело. Синий камень налился глубоким внутренним светом, а брачная метка на запястье ответила серебром. На воротах одна за другой зажглись руны — не все, только те, что шли по центру, складываясь в узор, похожий на распахнутые ладони.

Металл был ледяным. Но когда Вера коснулась створки, по нему прошла дрожь.

Дом за воротами словно вдохнул.

Варна прошептала:

— Быть не может.

— Что?

— Он не открывался для леди Морвейн.

— Для Элианы?

— Для вашей матери.

Вера повернула голову.

— Моей матери?

Но в этот момент за воротами что-то вспыхнуло.

Не руна. Не фонарь у крыльца.

Свет зажёгся в одном из верхних окон дома.

Мягкий, жёлтый, живой.

Вера застыла, глядя на него. По спине прошёл холод, но не от страха перед пустым зданием. Скорее от внезапного понимания: дом не был пустым. Или не хотел казаться пустым.

Кучер охнул и попятился к лошадям.

— Нет. Нет, я туда не пойду. Там никто не живёт. Клянусь Севером, никто!

Варна стояла белая как снег.

Вера смотрела на окно.

Свет мигнул один раз.

Будто кто-то наверху поднял свечу и дал знак.

Добро пожаловать, хозяйка.

Или: поздно бежать.

Ворота перед ней медленно, с протяжным стоном, начали открываться сами.

Глава 2. Дом, который не хотел хозяйку

Ворота Морвейн-Хольда открывались так медленно, будто дом за ними не приглашал, а передумывал на каждом вершке.

Металл стонал, снег осыпался с ледяных рун, статуи драконов у основания створок будто следили за Верой с одинаковым каменным неодобрением. Свет в верхнем окне всё ещё горел — тёплый, живой, невозможный. Он не мигал от ветра, не дрожал, не гас, хотя весь дом выглядел таким заброшенным, что любая свеча внутри должна была давно задохнуться от холода.

Глен первым отступил к карете.

— Не поеду, — сказал он хрипло. — Я довёз. Всё. Дальше пусть её сам дом везёт, раз так ждёт.

Варна резко обернулась.

— Ты забываешь, с кем говоришь.

— Нет, госпожа Варна. Я как раз помню. С теми, кто потом скажет, будто кучер сам полез под проклятье, а герцог тут ни при чём.

Вера стояла перед раскрывающимися воротами и впервые за всё время не чувствовала ветра. Он бил по дороге, по лошадям, по карете, трепал меховую накидку Варны, но вокруг самой Веры снег падал почти прямо, словно невидимая крыша задерживала бурю. Это было бы красиво, если бы не казалось слишком похожим на ловушку.

— Занесём вещи во двор, — сказала она.

Слова прозвучали спокойно. Гораздо спокойнее, чем билось внутри.

Глен посмотрел на неё с таким выражением, будто она предложила занести вещи в пасть живому дракону.

— Миледи, во двор я не сунусь.

— Тогда оставите у ворот?

— Да хоть тут.

— В снегу?

— Снег честнее стен этого дома.

Вера медленно повернулась к нему. В чужом теле было мало сил, пальцы всё ещё немели, подол дорожного платья промок и тянул вниз, но злость держала лучше любого огня.

— Сколько вам заплатили за дорогу?

Глен нахмурился.

— Не ваше дело.

— Моё. Меня везли как груз, значит, я имею право узнать цену перевозки.

Варна сделала шаг к ней.

— Леди Элиана, сейчас не время устраивать торг с прислугой.

— Согласна. Поэтому я не торгуюсь. — Вера посмотрела на кучера. — Вы получите ещё половину сверху, если довезёте багаж до крыльца и поможете снять сундуки. После этого уедете. Без ночёвки. Без вопросов. И без рассказов в ближайшей деревне о том, как жена герцога стояла у ворот с вещами в снегу.

Глен прищурился.

— У вас нет денег.

— У меня есть имя.

Он коротко хохотнул.

— Имя у вас теперь такое, что за него разве что дверь закроют.

Это было грубо. Почти дерзко. Варна вскинула подбородок, собираясь поставить кучера на место, но Вера подняла руку, останавливая её.

— Тогда у меня есть кольцо.

Варна резко побледнела.

— Нет.

Вера даже не посмотрела на неё. Сняла с пальца одно из маленьких колец — не брачное, обычное, тонкое, с крошечной синей искрой в оправе. Чужая память услужливо подсказала: подарок на зимний приём. Не от Каэля. От какой-то тётки, чьё лицо уже растворилось в прошлом.

— Это залог, — сказала Вера. — Вернёте его, когда управляющий выплатит вам обещанное. Если он не выплатит, кольцо ваше.

Глен долго смотрел то на кольцо, то на ворота. Потом выругался себе под нос.

— До крыльца. Не дальше.

— До крыльца.

— И если там кто-то завоет из стен, я бросаю сундуки и уезжаю.

— Если завоют стены, — сказала Вера, — я тоже сначала захочу понять почему.

Кучер не оценил. Варна — тем более.

Но лошади, будто услышав соглашение, вдруг перестали пятиться. Одна фыркнула, мотнула головой и шагнула вперёд. Колёса скрипнули. Карета медленно въехала между чёрными створками.

Вера пошла рядом, не садясь внутрь. Ей казалось важным войти самой. Не быть внесённой, не быть привезённой, не быть брошенной. Войти.

За воротами дорога поднималась к дому широкой дугой. Снег лежал глубокими пластами, но посередине виднелась узкая очищенная полоса. Не свежая — края уже засыпало, кое-где наст переломился, но кто-то всё же чистил путь. Значит, дом не совсем мёртв. Или кто-то очень хотел, чтобы он казался живым ровно настолько, насколько нужно.

Морвейн-Хольд рос перед ней с каждым шагом. Издали он казался единым тёмным силуэтом, но вблизи распадался на крылья, башни, галереи, пристройки, стены разного возраста. Старое северное поместье не строили сразу: его приращивали веками, как дерево наращивает кольца, только здесь каждое новое кольцо было холоднее предыдущего.

Над главным входом висел герб: раскрытая ладонь, над ней — пламя в форме снежинки. Ни дракона, ни короны. Морвейны не были драконьим родом. Они были чем-то другим.

Вера остановилась у нижней ступени.

Свет в верхнем окне погас.

Не от сквозняка. Просто исчез, будто кто-то закрыл ладонью свечу.

Глен перекрестился по-своему.

— Видели? — прошептал он. — Видели?

— Видела, — ответила Вера.

— И всё равно пойдёте?

Она посмотрела на закрытую дверь. Высокая, дубовая, обитая чёрным железом, с кольцом вместо ручки. На железе выступали те же ледяные линии, что на воротах, только здесь они не светились. Дверь выглядела так, будто не открывалась годами.

— А у меня есть выбор?

Глен промолчал.

Варна вышла из кареты и с раздражением поправила мех на плечах. Она явно замёрзла и ещё сильнее злилась от того, что страх приходится прятать за должностным тоном.

— Управляющий должен был встретить нас.

— Балдор Крейн? — уточнила Вера.

— Да.

— Его нет.

— Это очевидно.

— Значит, начнём с тех, кто есть.

Вера поднялась по ступеням. Под подошвами трещал лёд. На середине лестницы она заметила, что ступени очищены неровно: у края снег счищали грубой лопатой, а прямо перед дверью кто-то оставил тонкий слой, как будто не решился приблизиться. На белом насте не было свежих следов. Ни туда, ни обратно.

Она взялась за дверное кольцо.

Холод прошёл через перчатку. Такой резкий, что пальцы свело. Вера стиснула зубы и постучала.

Гул ушёл внутрь дома низко и долго. Сначала ничего не произошло. Потом где-то за дверью щёлкнуло. Не замок — что-то дальше. Цепь? Ставня? Шаг?

Варна поднялась следом.

— Повторите.

— Нет, — сказала Вера.

— Что значит нет?

— Дом услышал.

Варна открыла рот, но в этот миг дверь сама приоткрылась.

Из щели вышел воздух — не просто холодный, а застоявшийся. Он пах пылью, мокрым камнем, старым деревом и пустыми очагами. Вера невольно вдохнула неглубоко. Запрещённых ужасов не было. Ни тлена, ни дыма, ни крови. Только дом, который долго стоял закрытым и не ждал хороших новостей.

За дверью горела одна свеча.

Её держала женщина.

Невысокая, широкоплечая, в тёмном платье и вязаной шали, она стояла так прямо, будто подпирала собой весь коридор. Седые волосы были убраны под платок, лицо — круглое, загрубевшее от холода, глаза — внимательные и неприветливые. На поясе висела связка ключей, большая, тяжёлая, почти вызывающая.

Вера сразу вспомнила дощечку.

Не верь ключнику.

Женщина перевела взгляд с неё на Варну, потом на карету и сундуки.

— Добрались, стало быть.

Голос у неё оказался низким, с северной хрипотцой.

— Вы Марфа? — спросила Варна прежде, чем Вера успела открыть рот.

— А кто ж ещё будет дверь отворять, если все умные разбежались.

— Где управляющий Крейн?

Марфа посмотрела на неё без малейшего почтения.

— В отъезде.

— В такую погоду?

— Погода не у всех спрашивает разрешения.

Варна шагнула вперёд.

— Мне нужен полный отчёт о состоянии дома, список слуг, ключи от хозяйственных помещений и подтверждение принятия леди Элианы Морвейн под надзор управляющего.

Слово «надзор» Вера запомнила.

Марфа тоже. Её взгляд медленно, тяжело скользнул к Вере.

— Под надзор, значит.

— Согласно распоряжению герцога Рейнара, — сказала Варна.

— А дом, — Марфа чуть прищурилась, — согласно чему открыл ворота?

Варна не ответила.

Вера сняла с капюшона снег и переступила порог.

Внутри стало ещё холоднее.

Это было неправильно. Снаружи бушевала северная ночь, но в доме холод не кусал — он лежал. Слой за слоем, как пыль на мебели. Холод был в стенах, в полу, в лестнице, в тёмных портретах над галереей, в почерневшей люстре, на которой не горело ни одного огня. Он не нападал, но ждал, когда человек сам устанет сопротивляться.

— Я леди Элиана Морвейн, — сказала Вера, хотя имя всё ещё казалось чужой одеждой. — И я хочу войти в дом.

Марфа посмотрела на её запястье.

Вера не поднимала рукав, но ключница всё равно словно видела знак под тканью.

— Хотеть мало, госпожа.

— Тогда я войду и посмотрю, чего ещё не хватает.

Уголок рта Марфы дрогнул. Не улыбка — скорее короткое признание удачного ответа.

— Входите.

За спиной заскрипели сундуки: Глен с ворчанием принялся разгружать багаж. Варна шагнула внутрь следом за Верой, но дом отреагировал немедленно. Дверь хлопнула так резко, что управительница едва не осталась на крыльце. Пламя свечи в руке Марфы вытянулось синей иглой, коридор будто выдохнул, и где-то наверху глухо ударила ставня.

Варна застыла.

— Что это было?

— Сквозняк, — сказала Марфа.

— В закрытом доме?

— У нас сквозняки воспитанные. Хлопают только перед теми, кого не любят.

Вера не сдержала короткого смешка. Он вышел нервным, почти лишним, но напряжение чуть треснуло.

Марфа посмотрела на неё внимательнее.

— Смеяться пока рано, госпожа.

— Я и не радуюсь. Просто выбираю, что лучше: смеяться или начать кричать.

— Кричать дом не любит.

— Тогда придётся смеяться тихо.

Где-то в глубине коридора раздался слабый звук. Не шаг, не скрип — скорее быстрый шорох. Вера повернула голову и заметила у основания лестницы мальчика. Лет десяти, худого, в слишком большой куртке, с тёмными волосами и серьёзными глазами. В руках он держал охапку поленьев, почти закрывавшую ему лицо.

— Тим, — сказала Марфа. — Не стой столбом. Неси к малому очагу.

Мальчик кивнул, но не произнёс ни слова.

Он смотрел на Веру так, будто пытался решить, опасна она или просто ещё не знает, куда попала.

— Здравствуй, Тим, — сказала Вера.

Мальчик моргнул. Потом неловко поклонился и поспешил прочь, прижимая поленья к груди.

— Он неговорит? — тихо спросила Вера.

Марфа бросила на неё предупреждающий взгляд.

— Говорит, когда есть что сказать.

Тон был таким, что Вера не стала уточнять. Не сейчас. В этом доме каждое лишнее слово могло стать дверью, а она пока не знала, какие двери лучше держать закрытыми.

Из бокового прохода появился мужчина с фонарём. Высокий, сутуловатый, с обветренным лицом и руками человека, который больше доверяет лошадям, чем людям. На его плечах лежал снежный налёт: значит, он пришёл снаружи, возможно, из конюшни. Увидев Веру, мужчина снял шапку.

— Орсен, конюший, — представила Марфа. — Был ещё садовник, да сад под снегом. Была прачка, да ушла к сестре и не вернулась. Был повар, но сказал, что лучше кормить живых в трактире. Теперь вот мы.

Варна резко вдохнула.

— Трое?

— Четверо, если считать дом, — сказала Марфа.

— Не дерзите.

— Я ещё не начинала.

Вера огляделась.

Главный холл должен был когда-то производить впечатление. Широкая лестница расходилась двумя крыльями, стены были облицованы тёмным деревом, под потолком тянулась резная галерея. Но теперь всё пряталось под пылью, чехлами и инеем. В углах белели паутины мороза. На перилах виднелись следы чужих пальцев — словно кто-то недавно шёл наверх и держался за дерево.

Верхнее окно.

Свет.

Кто его зажёт?

— Кто находится в доме? — спросила Вера.

Марфа ответила не сразу.

— Мы.

— Только вы трое?

— Живых — да.

Варна резко перекрестилась тем же северным жестом, каким раньше Глен.

Вера посмотрела на ключницу.

— А остальных как считать?

— Остальных лучше не считать, госпожа. Так спокойнее спится.

— Я сегодня вряд ли буду спокойно спать.

— Разумно.

Орсен кашлянул.

— Багаж ставить куда?

Вера повернулась к нему.

— Есть комната, где можно ночевать без риска проснуться под открытым небом?

Орсен задумался.

— Малые южные покои. Там крыша целая.

Марфа фыркнула.

— Южные покои не топлёны.

— Всё тут не топлёно.

— В малых ставни держатся.

— Зато там пол скрипит.

— Лучше скрипящий пол, чем северная стена.

Они говорили так буднично, что Вера едва не рассмеялась снова. Вот он, первый совет нового дома: выбрать комнату, где меньше шансов замёрзнуть, провалиться или быть раздавленной створкой.

— Сначала кухня, — сказала она.

Все посмотрели на неё.

Даже Тим, успевший вернуться без поленьев, выглянул из-за угла.

Варна нахмурилась.

— Ваша милость, вам следует немедленно занять покои и привести себя в порядок.

— Чтобы умереть красиво?

— Чтобы сохранить достоинство.
— Достоинство не согревает. Кухня — согреет.
Марфа медленно прищурилась.
— Кухня давно не принимала господ.
— Значит, начнём с того, что она примет людей.
— Очаг там капризный.
— У очага нет выбора. У нас тоже.
На этот раз Марфа почти улыбнулась.
— Идёмте.

Кухня находилась внизу, за длинным коридором, где пол был выложен серым камнем. По пути Вера считала двери. Не потому, что надеялась запомнить весь дом сразу, а чтобы удержаться на ногах и не дать страху расползтись. Первая дверь — заперта. Вторая — тоже. Третья заколочена крест-накрест. У четвёртой на ручке висела красная нитка.

— Туда не ходят, — сказала Марфа, заметив её взгляд.
— Почему?
— Потому что те, кто ходил, потом просили закрыть дверь снаружи.
Варна издала сдавленный звук.
— Вы намеренно пугаете леди Элиану?
Марфа пожала плечами.
— Если её можно напугать дверью, ей тут до утра не дожить.
Вера остановилась.
— Марфа.
Ключница обернулась.

— Не надо проверять меня каждые пять шагов. Я и сама понимаю, что мне страшно. Но я не уйду обратно в карету, не лягу в сугроб и не стану ждать, когда кто-нибудь решит мою судьбу. Поэтому либо вы помогаете мне понять дом, либо мешаете. В первом случае я буду благодарна. Во втором — всё равно сделаю, что считаю нужным, только медленнее.

Марфа молчала.

Орсен опустил глаза, пряча усмешку. Тим смотрел на Веру широко раскрытыми глазами. Варна сказала холодно:

— Вы забываете, что дом находится под управлением Балдора Крейна и юрисдикцией рода Рейнаров.

— Нет. Я как раз всё лучше это помню. — Вера посмотрела на связку ключей у Марфы.
— Но если дом открылся на мою кровь, а не на ключи из городского архива, значит, с юрисдикцией здесь сложнее, чем хотелось бы герцогу.

В коридоре стало тихо.
Где-то над ними скрипнула доска.
Медленно. Тяжело. Как шаг.
Все подняли головы.
Тишина вернулась.
Марфа первая отвела взгляд.
— Кухня сюда.
Она открыла широкую дверь.

Вера ожидала увидеть развалины, но кухня оказалась огромной. Такой могли бы гордиться и замок, и монастырь, и постоялый двор. Два длинных стола, печи в стене, каменный пол, крюки под потолком, ряды пустых полок, большой очаг под закопчённым сводом. Всё было покрыто пылью и ином, но не разрушено. Скорее заброшено в спешке.

Очаг действительно выглядел капризным. Чёрный провал в стене, окружённый резными камнями. Над ним были выбиты знаки: ладонь, чаша, снежинка, ветка, закрытый глаз.

Вера подошла ближе. Внутри очага лежала старая зола. Совсем немного. Если кухней давно не пользовались, зола должна была слежаться плотным серым пластом, но эта выглядела так, будто огонь гас недавно.

— Кто здесь разжигал? — спросила она.

Марфа помолчала.

— Никто.

— Зола свежая.

— В этом доме многое свежее, хотя никто не делал.

Вера присела перед очагом и протянула руку, не касаясь.

Тепла не было.

Но было ощущение взгляда.

Она медленно встала.

— Тим принёс поленья?

Мальчик кивнул и показал на корзину у стены.

— Орсен, помогите. Марфа, что есть из еды?

— Смотря что вы называете едой.

— Всё, что можно приготовить без риска сломать зубы.

— Мука есть. Крупа. Соль. Сушёные яблоки. Две луковицы, если их мыши не доели.

Сырный круг, если не ушёл следом за мышами.

Вера посмотрела на неё.

— Кладовая рядом?

— Рядом.

— Откройте.

Марфа не сдвинулась.

— Ключи у управляющего.

Вера перевела взгляд на связку у её пояса.

— А это?

— От жилых комнат, бельевых шкафов, нижних коридоров и старой оранжереи.

— От кладовой нет?

— От большой — нет.

— От малой?

Марфа чуть прикусила губу.

— Есть.

— Открывайте малую.

— Ваша милость, малая кладовая почти пуста.

— Почти — это уже лучше, чем совсем.

Марфа достала ключ. Вера заметила, как она выбирает его не глядя, на ощупь. Значит, помнила каждый зубец. Настоящая хозяйственная власть была не у отсутствующего Балдора, а у этой женщины. Или часть власти.

Малая кладовая оказалась за низкой дверью в стене кухни. Внутри пахло деревом, мешковиной и холодными яблоками. Запасов действительно было мало: несколько мешков крупы, глиняный сосуд с солью, связки сухих трав для запаха в доме, ящик корнеплодов, бочонок воды, корзина яблок, часть сыра, два мешочка орехов и стопка чистых полотенец.

Вера долго смотрела на всё это.

Для богатого родового поместья — почти нищета.

Для четырёх промёрзших людей в первую ночь — начало.

— Вы сказали, управляющий в отъезде, — произнесла она. — Куда он уехал?

Марфа отвела глаза.

— В нижнюю деревню.

- За припасами?
- Сказал, за расчётами.
- Когда?
- Три дня назад.
- И за три дня не вернулся?
- Дороги плохие.
- А до деревни далеко?

Орсен ответил вместо неё:

- Полдня верхом, если тропа чистая. День, если метель.

Вера кивнула.

- Он забрал ключ от большой кладовой?

Марфа молчала.

- Деньги дома?

Молчание стало глубже.

- Записи?

Марфа сжала губы.

- Госпожа, вы только приехали.

- Именно поэтому мне нужно знать, с чем я осталась.

- С домом.

- Домом людей не накормить.

В этот момент над очагом тихо осыпалась сажа. Полено в корзине само скатилось вниз и стукнуло по каменному полу.

Тим вздрогнул. Орсен прошептал что-то недовольное. Варна отступила ближе к двери.

Вера посмотрела на очаг.

— Я не спорю, — сказала она в сторону чёрного провала. — Дом важен. Но если люди уйдут, ты останешься один. Тебе это уже понравилось?

Никто не произнёс ни слова.

Потом в очаге, где не было огня, коротко щёлкнуло. Искра вспыхнула в старой золе и погасла.

Марфа медленно выдохнула.

- Вот теперь я точно жалею, что открыла дверь.

- Вы её не открыли, — напомнила Вера. — Дом открыл.

- Не утешает.

Огонь развести удалось не сразу. Поленья отсырели, труба тянула плохо, дым сначала пошёл в кухню, и Варна, закашлявшись, заявила, что это издевательство над представительницей городского дома. Вера едва удержалась, чтобы не ответить: над представительницей дома здесь пока издевался только сам дом.

Она сняла перчатки, закатала рукава настолько, насколько позволяли тесные манжеты, и вместе с Марфой стала разбирать очаг. Орсен принёс сухую щепу из конюшни. Тим таскал воду и тряпки. Варна стояла у стены с видом оскорблённой статуи, пока Вера не вручила ей свечу.

- Подержите.

- Что?

- Свечу. Выше. Нам нужен свет.

- Леди Элиана, я не прислуга.

Вера посмотрела на неё устало.

— Сейчас здесь нет прислуги и господ. Есть люди, которым нужно не окоченеть до утра. Подержите свечу.

Варна хотела возразить, но в этот момент дверь кухни сама собой захлопнулась. Пламя на свечах вытянулось к ней, как пальцы.

Управительница молча подняла свечу выше.

Первое настоящее пламя появилось спустя почти полчаса. Маленькое, упрямое, оно лизнуло щепу, перебралось на полено и вдруг разгорелось ярко, золотисто, будто очаг только и ждал, когда его попросят не приказом, а делом.

Тепло пошло по кухне медленно. Сначала Вера почувствовала его ладонями. Потом лицом. Потом стены ответили едва слышным потрескиванием, как будто лёд внутри них начал сдавать.

Тим улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Вера заметила и сделала вид, что не заметила, чтобы не спугнуть.

— Теперь считаем, что есть, — сказала она.

Марфа достала с полки дощечку и мел. Бумагу, видимо, берегли.

— Мука — треть мешка, — начала ключница. — Крупа — два мешка и ещё горсть в старом ларе. Соль есть. Вода есть. Дров на кухню мало, в сарае больше, но туда надо идти через двор. Свечей — шесть целых, восемь огарков. Масло для ламп — на два вечера, если не жечь везде. Постели в южных покоях холодные, но сухие. Одежда есть, если моль не съела.

— Сколько закрытых комнат можно открыть без Балдора?

Марфа посмотрела на связку.

— Десять. Может, двенадцать. Остальные под старыми замками или под печатями.

— Печати чьи?

— Морвейнские. Рейнарские. И такие, к которым я не прикасаюсь.

— Почему?

— Потому что хочу умереть не сегодня.

Вера приняла этот довод.

Орсен принёс из кладовой ящик яблок и сыр, который, к счастью, никуда не ушёл. Вера распорядилась поставить воду греться у огня, нарезать яблоки, найти крупу и большую кастрюлю. Она не знала местной кухни, но каша с яблоками и сыром была понятна любому миру. Не празднично, не изысканно, зато горячо и честно.

Пока Марфа ворчала над крупой, Вера вместе с Тимом протирала край стола. Мальчик работал ловко, но слишком тихо. Каждый раз, когда где-то хлопала дверь или падала сажа, он замирал и смотрел на потолок.

— Дом часто так делает? — спросила Вера негромко.

Тим посмотрел на Марфу.

— Не спрашивайте у него, — отрезала ключница.

— Я спросила не для того, чтобы напугать.

Мальчик медленно поднял руку и показал три пальца. Потом на дверь. Потом на очаг. Потом обхватил себя за плечи, изображая дрожь.

— Три раза? — уточнила Вера. — Двери, огонь и холод?

Тим кивнул.

— Когда кто-то новый приходит?

Мальчик подумал и покачал головой. Затем указал на Веру.

— Когда я пришла?

Он снова кивнул.

Марфа резко поставила кастрюлю на стол.

— Хватит.

Вера не стала давить. Но запомнила. Дом реагировал не просто на чужих. На неё.

Пока вода грелась, она вышла в холл, чтобы осмотреть хотя бы ближайшие комнаты. Марфа пошла следом, ворча, что госпожа без плаща заработает себе только лишнюю дрожь,

но всё равно несла свечу. Варна тоже увязалась за ними — не из желания помочь, а потому что оставаться одной на кухне ей явно не хотелось.

Главная гостиная была закрыта. Марфа подобрала ключ, провернула его с усилием. Дверь открылась на палец и упёрлась во что-то тяжёлое. Орсен, которого позвали с кухни, навалился плечом. Внутри с грохотом упал стул.

Когда они вошли, Вера увидела комнату, законсервированную в прошлом. Чехлы на мебели, большой камин, потускневшие зеркала, портреты вдоль стен. На одном из портретов была женщина с такими же тёмными глазами, как у Элианы, и рукой, лежащей на спинке кресла. Над её ладонью художник изобразил маленькое пламя-снежинку.

— Кто это? — спросила Вера.

Марфа неохотно ответила:

— Леди Серафина Морвейн. Ваша мать.

Вера подошла ближе.

Серафина смотрела с портрета не мягко. Не ласково. В этом взгляде было слишком много усталости и слишком много приказа самой себе держаться.

— Она жила здесь? — спросила Вера.

— Родилась здесь.

— Почему дом не открылся для неё?

Марфа бросила взгляд на Варну и замолчала.

Вера поняла.

— Потом, значит.

— Потом, — сухо сказала ключница.

Варна вмешалась:

— Вопросы о прошлом рода Морвейн не входят в задачи сегодняшнего вечера.

— А какие входят?

— Разместиться, подписать принятие распоряжения герцога и дожидаться управляющего.

— Я не буду подписывать то, чего не читала.

— Вы уже ознакомлены с приказом.

— Приказ — не согласие.

— Ваше согласие не требуется.

Вера повернулась к ней.

— Тогда зачем подпись?

Варна сжала папку. Снова. Этот жест уже становился привычным.

— Для подтверждения доставки.

— Груза?

— Леди Элиана.

— Нет, госпожа Варна. Сегодня я больше ничего не подпишу.

В окне за её спиной ударил ветер. Ставни дрогнули. Пламя свечи в руке Марфы качнулось, но не погасло.

Варна сказала тише:

— Герцог будет недоволен.

И вот тут память Элианы ударила внезапно, с такой ясностью, что Вера едва не пошатнулась.

Каэль сидит за столом в своём кабинете. На нём тёмный камзол, на виске серебрится прядь, выбившаяся из ленты. Он не смотрит на Элиану, только на письмо перед собой.

— Если вы хоть раз поступите разумно, миледи, сделайте это сейчас. Подпишите.

— Я не виновата.

— Вы не понимаете, что я пытаюсь удержать?

— Я понимаю только, что вы даже не спросили меня.

Он наконец поднимает глаза.

В них не злость. Хуже. В них решение.

— Потому что ваш ответ уже ничего не изменит.

Воспоминание оборвалось.

Вера медленно вдохнула. На мгновение ей стало почти жаль прежнюю Элиану. Та, возможно, умоляла, плакала, доказывала. И каждый раз упиралась не в ненависть, а в закрытую дверь. Ненависть иногда можно пробить. Решение — труднее.

— Недовольство герцога, — сказала Вера, возвращаясь в промёрзшую гостиную, — уже привело меня сюда. Не вижу причины считать его самым страшным из возможного.

Марфа тихо хмыкнула.

Варна посмотрела на неё резко, но ключница уже изучала камин, будто ничего не слышала.

В гостиной нашли два целых подсвечника, плотные занавеси без дыр и три кресла, которые можно было перенести ближе к кухне. Вера распорядилась снять чехлы, но не трогать портреты. Марфа предложила южные покои, Орсен — комнату у кухни для себя и Тима, Варна потребовала отдельную спальню, желательно подальше от «домашних капризов».

— Вы уезжаете утром? — спросила Вера.

— Как только буря позволит.

— Тогда переночуете в комнате рядом с лестницей.

— Это комната для младшей прислуги.

— Зато там ставни держатся.

Варна побледнела от оскорбления, но спорить не стала. Возможно, дом за её спиной слишком выразительно скрипнул балкой.

Кухня к их возвращению уже пахла теплом, яблоками и крупой. Ничего роскошного, но после ледяной дороги этот запах показался Вере почти чудом. Тим расставлял миски, Орсен принёс ещё поленьев, Марфа помешивала кашу с таким видом, будто лично сражается не с ужином, а с вековой несправедливостью.

— Садитесь, — сказала Вера.

Никто не сел.

Она посмотрела на троих слуг, потом на Варну.

— Я сказала: садитесь.

Марфа нахмурилась.

— Господа не едят с прислугой.

— Сегодня едят. Завтра разберёмся с этикетом, если он переживёт ночь.

— Это неправильно, — сказала Варна.

— Неправильно — это три человека на огромный дом, пустые кладовые и управляющий, который исчез с ключами. А горячий ужин за одним столом — это временная необходимость.

Орсен сел первым. Осторожно, на самый край лавки, будто ожидал, что его сейчас выгонят. Тим устроился рядом с ним. Марфа держалась дольше всех, но потом поставила кастрюлю на стол, взяла миску и села напротив Веры. Варна осталась стоять.

— Я не голодна.

В этот момент у неё громко заурчало в животе.

Тим уставился в миску. Орсен кашлянул. Марфа даже не попыталась скрыть усмешку.

Варна села.

Вера почувствовала, как впервые за вечер напряжение в кухне стало человеческим. Не исчезло, нет. Но в нём появилось место для дыхания.

Ели молча. Каша была простой, чуть пересоленной, яблоки кислили, сыр оказался твёрдым, но Вера держала миску обеими руками и думала, что иногда власть начинается не с трона, а с возможности накормить людей, которые уже не верили, что их кто-то спросит.

После ужина она поднялась.

— Теперь кладовые и комнаты.

Марфа едва не подавилась.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Госпожа, ночь.

— Именно. До утра я хочу знать, где мы спим, что едим, чем топим и какие двери нельзя открывать даже под угрозой герцогского гнева.

— Все, — сказал Орсен.

Вера посмотрела на него.

— Все двери нельзя открывать?

— Под угрозой герцогского гнева — можно. Под угрозой дома — лучше нет.

Марфа стукнула ложкой по столу.

— Орсен.

— Что? Новая госпожа спросила честно.

Вера кивнула.

— Спасибо за честность.

Они начали с первого этажа. Южные покои действительно были холодными, но сухими. В одной спальне стояла кровать под пыльным балдахином, в другой — два узких ложа, в третьей — сломанный туалетный столик и сундук с бельём. Марфа проверяла ткань, ворчала, откладывала то, что ещё можно вытрясти и согреть у кухни. Тим ходил с маленькой свечой и старательно не наступал на трещины между плитами.

Вера открывала двери только после Марфы. Она не строила из себя бесстрашную. Наоборот, каждый щелчок замка отдавался в животе холодным узлом. Но чем больше комнат она видела, тем яснее понимала: дом не просто заброшен. Его бросили так, чтобы он не мог жить. Запертые шкафы. Снятые ручки. Заколоченные окна. Пустые лампы. Печи без сухих дров. Кладовая без главного ключа.

Это не бедность.

Это удушение.

В малой бельевой они нашли стопку тёплых одеял, спрятанных за порванными простынями. Марфа удивилась так искренне, что Вера поняла: она не знала. В комнате для прислуги обнаружили две целые лампы. В старой детской — деревянная лошадка, три чистые подушки и закрытый шкафчик, на котором не было замка, только круглая ледяная печать.

Вера коснулась печати кончиком пальца.

Та обожгла холодом.

— Не надо, — тихо сказал Тим.

Впервые.

Голос у него оказался хриплый, будто давно неиспользованный.

Все замерли.

Марфа побледнела.

— Тим...

Мальчик отступил, испуганный собственным словом. Вера медленно убрала руку от печати.

— Хорошо, — сказала она мягко. — Не буду.

Тим смотрел на неё с ожиданием. Словно привык, что после любого его звука взрослые начинают либо расспрашивать, либо жалеть, либо сердиться.

Вера не сделала ничего из этого. Просто кивнула на дверь.

— Эту комнату пока закрываем. Марфа, запомните: без Тима сюда не входить.

Мальчик удивлённо моргнул.

Марфа посмотрела на Веру иначе. Непривычно. С меньшей колкостью, но с большей осторожностью.

— Запомню.

Они прошли ещё несколько комнат. Дом сопротивлялся мелко и упрямо: гасил свечи в коридоре, хлопал пустой дверью в конце галереи, однажды рассыпал из-под потолка сухой иней прямо на плечи Варны. Та вскрикнула и заявила, что утром уедет при любой погоде.

— Никто вас не держит, — сказала Вера.

Где-то в стене тихо скрипнуло.

Марфа сухо добавила:

— Кроме дороги.

Варна не оценила.

К полуночи у Веры дрожали ноги. Она держалась на упрямстве, но тело Элианы оказалось слабее, чем хотелось. Каждый новый шаг отдавался тяжестью в коленях. Несколько раз перед глазами темнело. Вера злилась на себя, на прежнюю Элиану, на Каэля, на лестницы, на тяжёлое платье, на холод, на дом, который проверял её как строгий экзаменатор, но всё равно продолжала идти.

Последним они осмотрели узкий коридор за кухней.

— Там ничего нет, — сказала Марфа слишком быстро.

Вера остановилась.

— Что там?

— Старые стены.

— В доме все стены старые.

— Госпожа, вам пора спать.

— Мне пора понять, почему вы не хотите туда идти.

Марфа сжала связку ключей.

— Потому что некоторые места лучше оставить до утра.

— Там опасно?

— Там память.

Ответ прозвучал странно. Не суеверно — лично.

Вера посмотрела на дверь в конце коридора. Узкая, неприметная, без украшений. На ней не было печати, только трещина в стене рядом, длинная и тёмная. Из трещины тянуло холодом.

— Что за ней?

— Старый умывальный ход. Им пользовались, когда дом был полон людей. Потом часть стены промёрзла, и ход закрыли.

— Почему не заделали трещину?

— Не держится.

Вера подошла ближе. Трещина шла от пола почти до плеча, но странно: края её были не осыпавшимися, а гладкими, будто камень не лопнул, а разошёлся. Внутри темнело что-то металлическое.

— Свечу, — сказала она.

Марфа не двинулась.

Орсен принес фонарь.

Вера наклонилась. В щели что-то блеснуло. Она осторожно просунула пальцы, нащупала холодный край и потянула. Сначала не поддалось. Тогда Орсен молча протянул нож — не к ней остриём, а рукоятью. Вера аккуратно поддела край.

Из стены выпал небольшой круглый медальон.

Он ударился о каменный пол с тихим звоном и покатился к её ноге.

Марфа охнула так, будто увидела не украшение, а давно похороненного человека.

Вера подняла медальон.

Тяжёлый, серебряный, потемневший от времени. На лицевой стороне был герб Рейнаров: дракон, сомкнувший крылья вокруг башни. Не Морвейнов. Рейнаров. Здесь, в стене старого морвейнского дома.

— Это не ваше, — прошептала Варна.

Она стояла позади, бледная, с распахнутыми глазами.

— Вы знаете, что это?

— Нет.

Слишком быстро.

Вера перевернула медальон.

На обратной стороне были выгравированы слова. Мелкие, но глубокие, будто их вырезали не рукой, а обещанием.

Хозяйка дома снимет лёд с сердца дракона — или погибнет вместе с ним.

Тишина стала такой плотной, что слышно было, как в кухне потрескивают дрова.

Вера перечитала надпись ещё раз.

Сердце дракона.

Каэль.

Или не только он?

Брачная метка на её запястье внезапно вспыхнула под рукавом горячим серебром. Где-то наверху, в той части дома, где раньше горел загадочный свет, раздался женский голос. Тихий. Очень похожий на её собственный, но слабее, печальнее, моложе.

— Беги, Элиана.

Марфа резко схватила Веру за руку.

— Не отвечайте.

Но было поздно.

Из тёмного коридора за закрытой дверью кто-то постучал.

Три раза.

Точно так же, как Вера стучала в дом снаружи.

Глава 3. Первый тёплый ужин на проклятом Севере

Стук повторился не сразу.

Дом словно дал Вере время испугаться, одуматься, отступить к кухне и сделать вид, что никакого женского голоса за закрытой дверью не было. Марфа держала её за руку крепко, почти до боли, Варна стояла у стены с таким лицом, будто уже мысленно сочиняла отчёт для герцога, а Тим спрятался за Орсена, но не ушёл. Только сам Морвейн-Хольд молчал, тёмный и внимательный, и в этом молчании было больше угрозы, чем в любом крике.

Потом за дверью снова постучали.

Три раза.

Неторопливо. Вежливо. Почти хозяйски.

Вера посмотрела на медальон в ладони. Серебро было холодным, но брачная метка под рукавом горела так настойчиво, будто дом пытался через неё что-то сказать. На одной стороне — др

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.